

- выпуск областных целевых облигационных займов для финансирования целевых программ и инвестиционных проектов;
- вовлечение в инвестиционный процесс не завершенных строительством объектов, находящихся в областной и муниципальной собственности.
- предоставление на конкурсной основе государственных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств областного бюджета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
2. Бланк И. А. Инвестиционный менеджмент. Киев: МП «Итем» ЛТД, 1995.
3. Бузырев В. В. и др. Пути формирования инвестиционной стратегии крупного города в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов / Научно-практический вестник «Энергия». 2000. № 1 (39). С. 71–76.
4. Социально-экономическое положение Тюменской области за январь–декабрь 2001 года: Статистический доклад / Тюменский областной комитет госстатистики. Тюмень, 2002.

Валентина Павловна ПЕТРОВА —
докторант ТюмГУ,
кандидат исторических наук, доцент

Финансовое состояние сельскохозяйственной кооперации Урала в условиях новой экономической политики

УДК 947+957

АННОТАЦИЯ. В условиях новой экономической политики в кооперативных организациях Урала были восстановлены многие принципы ее деятельности как рыночной организации. Однако финансовое состояние кооперативной системы оставалось напряженным. Развить в полной мере вкладные операции, изменить соотношение собственных и заемных средств, стать самостоятельной в финансовом отношении организацией сельскохозяйственной кооперации не удалось, к концу 20-х гг. произошло фактически ее огосударствление.

The author considers several financial aspects of agricultural cooperation in the Ural region during the period of the New Economic Policy in the 1920th when market relations including freedom of economic activity were restored. The author focuses upon the ratio of investments and loaning in the sphere of agricultural cooperation and traces the reasons its dependence on the state.

Изучение исторического опыта кооперативного строительства в России в условиях рыночных отношений определяется все возрастающим значением проблем совершенствования агропромышленного комплекса страны, важная роль в котором отводится кооперативам.

Сельскохозяйственная кооперация в Уральском регионе зародилась еще в до-революционный период. Наиболее распространенной ее формой были маслодельные артели, появившиеся в конце XIX в. в Курганском, Ишимском, Ялуторовском, Шадринском и других уездах. Первоначально маслодельные кооперативы дейст-

вовали разрозненно, затем стали объединяться в союзы. Наиболее крупным из них был Сибирский союз маслодельных артелей в Кургане. В 1911 г. в Челябинске также образовался союз маслоартелей.

Значительное развитие в дореволюционные годы получила и кредитная кооперация, которая удовлетворяла различные потребности крестьян. В 1907 г. был образован Екатеринбургский союз кредитных и ссудосберегательных товариществ, в 1917 г. такие же союзы созданы в Кургане, Челябинске, Тюмени [1]. В 1914 г. на территории, соответствующей образованной в 1923 г. Уральской области, насчитывалось 1833 маслодельных артели и кредитных товариществ, объединявших 660,7 тыс. членов [2].

После победы Октябрьской революции советская власть на Урале продержалась всего несколько месяцев, за этот короткий срок существенных изменений в экономической деятельности кооперации не произошло. После освобождения Урала от колчаковцев местные партийные и государственные органы власти стали использовать сельскохозяйственные кооперативы для заготовки и распределения сельскохозяйственной и промышленной продукции под контролем государства. С весны 1920 г. началась реорганизация всех видов коопераций в соответствии с декретом ВЦИК и СНК 27 января 1920 г., по которому сельскохозяйственная, кустарно-промысловая и потребительская кооперации включались в единую кооперативную систему [3]. К осени 1920 г. на Урале закончилось слияние всех кооперативов с потребительскими обществами. Такая перестройка привела к распылению материальной базы кооперации, потере паевых и вступительных взносов, вкладов, оборотных средств. Многие первичные кооперативы прекратили свою деятельность, так как ограничение товарно-денежных отношений, запрет рыночной торговли затруднили и даже сделали невозможным проведение торговых и кредитных операций, являвшихся основой развития кооперативных объединений.

Экономический кризис заставил большевиков перейти в 1921 г. к новой экономической политике для восстановления разрушенного хозяйства страны. Возрождение сельского хозяйства было невозможно без опоры на сельскохозяйственную кооперацию. Поэтому декретом ВЦИК и СНК от 16 августа 1921 г. сельскохозяйственная кооперация была выделена из потребительской, получила право самостоятельной финансовой деятельности. На основе этого решения на Урале стала восстанавливаться сеть сельскохозяйственной кооперации. Проведение этого декрета в жизнь было связано со значительными финансовыми трудностями, так как потребительская кооперация не спешила возвращать имущество сельскохозяйственным организациям.

Распространение на кооперативы принципов нэпа потребовало, прежде всего, изменения методов хозяйственной деятельности кооперации. В новых условиях нужно было восстановить традиционные кооперативные принципы хозяйствования, учитывая товарно-денежные отношения, материальную заинтересованность, хозрасчет.

В первые годы нэпа приступить к обслуживанию крестьянских хозяйств в полной мере вновь созданная кооперативная сеть не смогла, так как при образовании губернские, районные союзы и первичные кооперативы не имели своих средств. Отдельные кооперативы ставили вопрос об аренде маслодельных заводов, мастерских, но вынуждены были отказаться от этого, так как не могли уплатить причитающиеся суммы. Выйти из тяжелого положения кооперативным союзам помогло государство. В течение 1922 г. Пермскому союзу выдали кредит 3 млн. руб. (в зн. 1922 г.), на следующий год для заготовительной работы Госбанк выдал ссуду на 15 млрд. руб. [4]. Большую материальную помощь оказало государство и Екатеринбургскому селькустсоюзу. Тюменский губсельскосоюз в 1922 г. провел

ряд удачных операций в Москве и на Нижегородской ярмарке, благодаря чему на складах появились товарные запасы, а на счетах собственные и заемные денежные средства [5].

Таким образом, начать снабженческо-сбытовую работу кооперация смогла, лишь получив финансовую поддержку государства. В условиях нэпа финансирование кооперативной системы осуществлялось в отличие от предыдущего периода на хозрасчетных началах. Это способствовало развитию союзов и первичных кооперативов, хозяйственной инициативы, предприимчивости, самодеятельности. Финансовая поддержка кооперации государством обеспечивала ее независимость от частного, но в то же время ставила кооперативную систему в подчиненное положение пролетарскому государству и его классовой политике.

Упрочению финансового состояния союзов и первичных кооперативов способствовала помощь, оказываемая губернскими и уездными отделениями государственного банка, а также открывшегося 1 июня 1923 г. Уральского областного сельскохозяйственного банка. Отсутствие оборотных средств вынуждало сельскохозяйственные союзы вести активную работу по вовлечению кооперативов пайщиками Уралсельхозбанка. Так, в 1924 г. в Кунгурском окрсоюзе 70 кооперативов стали пайщиками, приобретя 120 учредительных паев и распространив около 2 тыс. крестьянских паев, но при этом более 100 кооперативов не могли взять такие паи. Это свидетельствует, что финансовое состояние кооперативной сети оставалось тяжелым, такое же положение было и в других союзах Уральской области.

Важную роль в укреплении финансового состояния играли кредиты. В 1923 г. сельхозкооперативы Урала получили ссуд на 2,4 млн. руб., а в 1926 г. – 9 млн. 361 тыс. руб. [6]. Величина кредита на 1 кредитное товарищество составила в 1924 г. – 0,2 тыс., в 1924 г. – 1,5 тыс., в 1926 г. – 3,1 тыс. руб. [7]. Постепенно на Урале улучшались условия кредитования, кредит стал более доступным для маломощных крестьянских хозяйств. Минимальный срок сокращался до трех месяцев, снижался процент по целевым кредитам, до 2–3 лет увеличивались сроки для целевых кредитов. Кредитование крестьянских хозяйств через кооперацию стало возможным после перехода к нэпу, когда кооперативы получили возможность проводить кредитные операции как своими средствами, так и с привлечением государственных средств.

Государство, оказывая помощь кооперативным организациям, стремилось компенсировать недостаток средств и укрепить кооперативную систему, но в то же время с каждым годом перед кооперативами все более жестко ставилась, по сути, невыполнимая задача избегать привлечения средств зажиточной части населения. Это приводило к тому, что часть средств сельскохозяйственной кооперации не принадлежала ей. В 1924 г. окрсельскосоюзы Уральской области были должны Сельхозбанку, Всекобанку, Госбанку, Промбанку 2,6 млн. рублей, что составляло около 25% баланса [8]. В 1924 г. на одно кредитное товарищество приходилось 2 тыс. руб. основного капитала, а паевого только 400 руб. Размер паевого взноса составлял всего 2 руб. 46 коп. То есть размер паевого взноса был значительно меньше установленного в среднем по области – 10 рублей [9]. Вовлечение паевых средств крестьянства значительно отставало от роста государственных средств. Отрицательно влияло на внесение паевых взносов и отсутствие дивидендов на паи.

В 1924–25 гг. финансовое положение сельскохозяйственной кооперации на Урале несколько улучшилось, в то же время в целом проблемы оставались нерешенными. В финансово-экономическом отношении наиболее благополучно выглядели Прикамский, Ишимский, Курганский окрсоюзы, в наиболее тяжелом положении оказались Троицкий, Златоустовский, Тюменский, Тобольский и Пермский союзы сельхозкооперации. Причины создавшегося положения были самые разные: недо-

статок средств, отсутствие квалифицированных кадров, слабое обслуживание членов кооперации, увлечение розничной торговлей, значительная величина накладных расходов.

Существенно тормозил работу кооперативной системы отрыв кооперативных союзов от первичной сети. В начале 1925 г. в тяжелом положении оказался Екатеринбургский окрсельскосоюз из-за неправильной деятельности правления союза. Так, сбытовые операции и товарные обороты с членами союза составляли лишь 18,5%, остальные операции шли помимо кооперативных организаций. Союзные кооперативы должны были 223 тыс. руб. союзу, а не входящие в кооператив — 246 тыс. руб., то есть произошел полный отрыв союза от первичной сети кооперативов [10]. В результате союз понес огромные убытки, его работа практически была остановлена. Для исправления создавшегося положения полностью заменили правление союза, его новый состав начал с сокращения аппарата, снижения накладных расходов, вел обслуживание в первую очередь членов кооперативов.

На финансовом состоянии Тюменского союза тяжело отразилось выделение в отдельный союз маслodelьных кооперативов. Союз задолжал Госбанку и вынужден был прекратить торговлю. Совещание организаций-кредиторов — Госбанка, Всекобанка, Уралсельхозбанка — постановило дать Тюменскому окрсельскосоюзу отсрочку на 1,5 года для выхода из кризиса [11].

На 1 октября 1925 г. финансовое состояние Уралселькустсоюза, в который входили 15 окружных союзов, районный союз и 2082 первичных кооператива, характеризовалось увеличением суммы баланса, составившей 3004,5 тыс. руб., из них собственные средства — 407,8 тыс. руб. (13,6%). Через год баланс союза увеличился до 6309,4 тыс. руб., а доля собственных средств увеличилась почти в 3 раза и составила 18,7 % баланса [12]. Финансовое состояние окружных союзов в 1926 г. также укрепилось, выросла доля собственных средств, а доля привлеченных сократилась с 79,9% до 77,1%. Большая часть привлеченных средств шла за счет займов (более 30%) и кредитов (35%) [13]. Вклады населения по-прежнему были незначительны, а собственные средства вкладывались в основном в недвижимость. Некоторые союзы продолжали работать с убытками, но основная часть окружных союзов смогла успешно проводить торговые, снабженческие, заготовительные операции, составляя конкуренцию частнику и государственным организациям.

Показателем финансовых сложностей кооперативной системы были протесты векселей, суммы опротестованных векселей составляли от 300 до 800 тыс. рублей за квартал. Основной причиной протестов являлись массовые просрочки ссуд населением. Основную массу крестьянских хозяйств Урала составляли бедняки и середняки, стать крупными товарными хозяйствами за первую половину 20-х гг. они не смогли, отсюда и массовые задержки возврата ссуд. Число убыточных кооперативов за 1925–26 гг. возросло с 191 до 248, увеличилась и сумма убытков на кооператив до 1414 рублей.

В низовой сети — сельскохозяйственных кооперативах различных видов — в 1925–26 хозяйственном году рост собственных средств шел в основном за счет доходов и паевых взносов. Поэтому доля собственных средств выросла незначительно (с 3,6% до 4,7%), паевые взносы на одного члена составили 3 руб. 94 коп., а вклады населения — 0,48 тыс. руб. на один кооператив или 1 руб. 51 коп. на одного члена кооператива [14]. Основным источником средств являлись займы у банков.

До революции вклады населения служили одним из основных каналов поступления средств для кооперативной деятельности. Попытка восстановить этот источник финансирования кооперации в условиях советской государственной системы не увенчалась успехом. Средний размер вклада на одно товарищество составлял в России 16428 руб., а на одного члена кооператива — 25,4 рубля [15]. Таким образом,

уральские кооперативы в годы нэпа отставали по этим показателям соответственно в 34 и 17 раз от дореволюционных показателей.

Сводный баланс всей системы сельскохозяйственной кооперации Уральской области составил на 1 октября 1926 г. 36656,6 тыс. рублей, доля оборотных средств была 81,5%, из них собственных капиталов – 8,2% [16]. Несомненно, что через несколько лет существования в условиях новых экономических отношений кооперативная система проявила свою жизнеспособность, смогла создать и укрепить свою финансовую систему. Начался медленный рост доходов, паевых капиталов, вкладных операций, но незначительный рост собственных средств был все же недостаточен для устранения финансовых затруднений, неизбежно возникающих в условиях существования рынка.

Оздоровление финансового состояния можно было добиться также сокращением расходов на содержание аппарата и борьбой с хищениями и растратами. Работа по сокращению расходов на аппарат шла во всех звеньях системы – на областном, окружном и низовом уровне – и давала свои результаты. К 1 окт. 1926 г. было сокращено 272 человека, но при этом все годы сохранялась проблема нехватки квалифицированных специалистов. Растраты же денежных средств продолжались постоянно, и хотя их сумма в среднем на кооператив была всего 544 руб., но общий ущерб в системе сельхозкооперации Уральской области составил более 288 тысяч рублей за 1926 г. [17]. Для борьбы с растратами применялись плановые ревизии союзов и первичных кооперативов, усиление общественного контроля над выборными органами, привлечение к уголовной ответственности виновных.

В 1927 г. баланс всей системы сельскохозяйственной кооперации Урала значительно увеличился до 48 103,4 тыс. рублей, в том числе доля привлеченных средств составила 34 825,6 тыс. руб. Кооперативы и их союзы стали работать с прибылью, которая равнялась 1 020,2 тыс. рублей [18]. Наиболее устойчивыми в финансовом отношении стали Курганский, Ишимский, Челябинский, Камышловский, Ирбитский, Миасский, Тобольский, Тюменский окружные союзы сельскохозяйственной кооперации. Паевой капитал на 1 члена кооператива возрос до 4 руб. 95 коп. Число убыточных кооперативов снизилось, но составляло 35% всех кооперативов, это являлось достаточно убедительным свидетельством финансового неблагополучия низовой сети. Для укрепления финансового положения необходимо было также наладить счетоводство, которое слабо велось во многих кооперативах, укрепить правления подготовленными специалистами. Кооперативные союзы стали уделять этому направлению работы все больше внимания. Оздоровление финансового состояния проводилось также путем отсрочки платежей, предоставления дополнительных ссуд.

Основным стимулом к развитию хозяйственной связи системы с членами кооперации была материальная заинтересованность пайщиков в форме кооперативных доплат за сдаваемую продукцию. За 1926–27 гг. населению Уральской области было выдано таких доплат на 838,8 тыс. рублей [19]. Однако принципы и формы таких доплат не были четко определены, проводились выборочно и не во всех кооперативах. Доплаты не заменяли, да и не могли заменить распределение прибылей между членами кооператива.

В целом, анализ основных показателей финансового состояния кооперативной сети показывает, что при несомненном улучшении экономического положения наблюдалось увеличение как оборотных, так и собственных средств. В низовой сети шел усиленный рост оборотных средств, превышающий темпы роста сводного баланса, однако темпы роста собственных средств первичных кооперативов были меньше, чем рост баланса. Причиной такого положения являлось ограниченное накопление капиталов в крестьянских хозяйствах Урала. Паевые взносы в товарище-

ствах имели незначительный удельный вес, а их сумма — явно недостаточной для успешной деятельности. По-прежнему сохранялась значительная задолженность членов кооперации, население слабо участвовало в организации специальных капиталов товариществ.

На экономическую ситуацию в сельском хозяйстве страны к концу 20-х гг. все более целенаправленно влияла классовая доктрина экономической политики большевистского государства. Эта политика была направлена на ограничение возможностей для развития крепких зажиточных хозяйств, на поддержку коллективного земледелия вместо индивидуального хозяйства. В этом причина и слабой активности участия крестьян в сельскохозяйственной кооперации, их недоверие к финансовым операциям, стремление иметь не денежный, а натуральный характер сбережений.

В конце 20-х гг. экономическая деятельность кооперации попадает под все более жесткий контроль государства. Заготовительные операции идут по установленному плану, по заранее определенным ценам, рыночные отношения свертываются. И происходит это в тот период, когда кооперативная система только смогла восстановиться. В 1927 г. средний баланс одного сельскохозяйственного кооператива на Урале составил 35,2 тыс. рублей, при этом паевой взнос на 1 члена вырос до 6,7 руб., а сумма вкладов равнялась 4 руб. 41 коп. Товарооборот всей системы сельхозкооперации Уральской области исчислялся суммой в 64,8 млн. руб., в том числе сбытовые операции — 53,5 млн. руб., снабженческие — 11,3 млн. рублей. Удельный вес системы в сбыте продуктов сельского хозяйства: по хлебу — 36,3%, мясу — 41%, яйцу — 60%, клеверу — 100%, кожсырью — 21,5% [20].

Государственные органы власти стремились сделать опорой кооперации бедноту, кооперативы должны были обслуживать их в первую очередь, отторгая зажиточных крестьян. Это приводило к тому, что активное участие крестьян, имеющих капитал, все более сокращалось, а бедные хозяйства ничем не могли помочь финансовому укреплению кооператива. В свою очередь экономически слабое объединение крестьян не способно было в полной мере восстановить состоятельность крестьянского хозяйства.

Складывался порочный круг: кооперация под давлением государства должна была отказаться от принципов добровольности, материальной заинтересованности, самостоятельности хозяйственной деятельности, прибыльности, но тогда это уже не могло быть кооперативной организацией. В реальных условиях свертывания нэпа и рыночных отношений в конце 1920-х гг. перспектив у развития сельскохозяйственной кооперации не было. Все попытки сделать кооперацию мостком к коллективизации на практике стали разрушением еще не успевшей в полной мере окрепнуть кооперативной системы.

В августе 1928 г. система Уральской областной сельскохозяйственной кооперации была реорганизована, создано пять специализированных союзов, в 1929 г. раздробление союзов продолжилось. Это привело к распылению финансовой базы. Каждый союз имел свой устав и свое финансирование. С этого времени деятельность этих союзов кооперации фактически уже не является свободной рыночной деятельностью кооперативных организаций. Планирование работы по договорам контрактации, фиксированные цены, завоз товаров без согласования, выполнение заданий государственных органов, перерегистрация и чистка кооперативов подрывали финансовое состояние кооперативной сети, делали бессмысленными вклады населения в средства кооперативов. Сельскохозяйственная кооперация все больше и больше отходит от своих функций и переходит на обслуживание коллективных хозяйств, создание которых становится основной обязанностью кооперативных союзов, хотя колхозы в действительности не являлись кооперативными организациями.

Уралобком ВКПб, подчиняясь решению сверху, 3 сентября 1929 г. постановил, что основной формой низовой кооперации должно стать производственное товарищество поселкового типа или зерновое товарищество. Товарищества объединялись вместе с колхозами в районные объединения. Кредитные товарищества объединялись в один районный кооператив, который должен был выполнять финансовые поручения государства [21]. Все капиталы кооперативов, за исключением заемных и основных капиталов для кредитования, а также паевые взносы передавались районным объединениям. Таким образом, кооперация лишалась основных экономических условий своей деятельности. Все финансовые ресурсы были направлены на решение задачи проведения массовой коллективизации. Законодательная, налоговая, финансовая политика государства привела к полному огосударствлению кооперативных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 79. Л. 22; ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 174. Оп. 1. Д. 48. Л. 108.
2. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 79. Л. 22; Д. 234. Л. 72.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 149–150.
4. ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 66. Оп. 1. Д. 39. Л. 9; Д. 26. Л. 115.
5. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 68. Л. 19–20.
6. Политическое и хозяйственное состояние области и работа партийных организаций Урала: Отчет Уралобкома РКПб VII Уральской областной партконференции. Свердловск, 1925. С. 20.
7. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929. С. 51.
8. Уральский коммунист. 1923. №25. С. 42.
9. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне... С. 51–52.
10. Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1925. № 2. С. 8.
11. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 943. Л. 27.
12. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 63; Д. 326. Л. 52.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 371. Л. 62 об.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 48.
15. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002. С. 445.
16. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 371. Л. 63 об.
17. Там же. Л. 64.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 47 об.
19. Там же. Л. 52.
20. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 1480. Л. 3.
21. ГАОПОТО (Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1147. Л. 33.